

Чукмалдин Николай Мартемьянович

**Путевые очерки Палестины и
Египта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н63

Н63 **Николай Мартемьянович Ч.**
Путевые очерки Палестины и Египта / Чукмалдин Николай Мартемьянович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 79 с.

ISBN 978-5-521-30462-2

ISBN 978-5-521-30462-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чаюсь на волнахъ, живетъ своею коллективною жизнью, какъ всякое общежитіе въ мірѣ, на извѣстной высотѣ настроенія, подверженнаго безчисленнымъ переходамъ, но, конечно, какъ все на свѣтѣ, ограниченнаго извѣстной сферой и пространствомъ...

Но вотъ мало-по-малу туманъ началъ опускаться на море, закрывалъ луну и звѣзды, окутывать парходъ и, наконецъ, превратился въ непроницаемую темную пелену, среди которой ничего не видно даже на близкомъ разстояніи. Туманъ на морѣ—самый страшный врагъ, котораго боятся даже старые моряки, а ужъ они-ли на своемъ вѣку не видали страховъ и опасностей? Туманъ—это какъ бы чары злой волшебницы, закрываетъ все, значительно заглушаетъ звукъ и подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на воображеніе. Въ это время капитанъ чутко прислушивается къ каждому звуку, зорко смотритъ впередъ, непрерывно даетъ свистки, боясь столкнуться съ встрѣчнымъ парходомъ, который также мало видитъ, мало слышитъ и также тревожно всматривается и прислушивается. Въ такое время, сидя на парходѣ, чувствуешь, что изъ глубины души всплываютъ, крѣпнуть, выясняются какіе-то знакомыя чувства, озаряемыя въ сознаніи, въ ясныхъ словахъ, слышанныхъ еще въ дѣтствѣ:

Какъ на сине море

Да упалъ туманъ.

Вотъ какъ пришлось мнѣ вспомнить и узнать, да, именно узнать, какой глубокой смыслъ скрывается въ простой пѣснѣ русскаго народа!

На другой день утромъ было свѣжо. Туманъ развеялся. Кругомъ было видно одно безбрежное море. Я спросилъ капитана, далеко-ли берегъ, и получилъ отвѣтъ, что верстъ 300 въ одну и верстъ 200 въ другую сторону. Дистанція не малаго размѣра,—подумалъ я.

— Не выплывешь, не доплывешь,—добавилъ характерно мой спутникъ Поляковъ.

Нѣтъ большого вѣтра, но день становится пасмурнымъ. Море рябитъ и кажется, что будто кто-то потревожилъ его и оно хотя не гнѣвается, не бурлитъ, но точно насупилось и начинаетъ нервно поводить бровями. Кое-гдѣ показывается бѣлая верхушка гребня волнъ, но скоро исчезаетъ. По временамъ дельфины гонятся за парходомъ, выскакиваютъ изъ воды, описывая въ воздухѣ крутую дугу, и снова все покойно. Даже мы, пассажиры, стали какъ-то менѣе тревожны, проспавъ всю ночь на койкѣ, которую покачивало изъ стороны въ сторону. Говорится—„привычка—вторая натура.“ То же самое повторяется и здѣсь. Сначала казалось жутко, страшно, а потомъ какъ-то это опасеніе сглаживается, исчезаетъ, и сидишь себѣ спокойно, любясь моремъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Константинополь.

Мы проснулись въ 5 часовъ утра, въ силу того же физиологическаго факта, какъ мельникъ просыпается, когда перестаетъ шумѣть вода и колесо мельничное останавливается. Пароходъ нашъ стоялъ. Ни шуму, ни звука. Мы одѣлись и вышли на палубу. По ту и по другую сторону видѣлись берега, кое-гдѣ свѣтились огоньки, силуэтами видѣлись кипарисовыя рощи, выдѣлялся острый минаретъ,—ясно, что это входъ въ Босфоръ.

Свѣтало. Карантинная лодка пошла къ берегу въ турецкую таможню. Гдѣ-то запѣлъ пѣтухъ; ему подражая, запѣлъ второй. Черезъ минуту съ бѣлѣющаго минарета поверхъ тумана и воды понесся заунывный голосъ муэддина, призывающій правовѣрныхъ на молитву. Отовсюду вѣяло чѣмъ-то инымъ, новымъ, невиданнымъ и неизвѣданнымъ. Въ такія минуты всѣ чувства какъ-то на сторожѣ: ухо ваше ловитъ каждый новый звукъ, глазъ усиленно всматривается въ каждый новый предметъ, вниманіе стремится всюду.

Только въ 6 часовъ лодка вернулась къ пароходу, и мы двинулись проливомъ къ Константинополю. Туманъ снова густыми полосами налегалъ на насъ и не давалъ возможности видѣть и любоваться прекрасными берегами Босфора, почти сплошь застроенными живописными виллами, оригинальными мечетями и, вѣроятно, грязными лачугами, но издали выглядывающими красивой декораціей. Черезъ полтора часа хода, какъ-то незамѣтно началъ проходить предъ нашими глазами Царьградъ—Константинополь и завершился, гдѣ мы стали на якорь, тою волшебною панорамой, назвать которую я не подберу подходящаго выраженія.

На лодкѣ-баркѣ, съ осторожностью, чтобы разныя, чуть не раз-

бойники, лодочники не растащили багажа, съѣхали мы на берегъ пристани Стамбула, пройдя тамъ пародію таможи, гдѣ подѣ видомъ осмотра паспортовъ и багажа турецкіе чиновники вымогаютъ только свой „бакшишъ.“

Съ узлами въ рукахъ и зонтиками подѣ мышкой, по узкой и грязной улицѣ, длинною гурьбой потянулись мы въ гору, чтобы тоннелемъ подняться въ центральную часть города—Перу. Провожатымъ былъ у насъ опытный путешественникъ г. Молчановъ, корреспондентъ газеты „Новое Время“. Съ нѣкоторымъ трудомъ нашли Hotel, въ которомъ дали намъ номеръ въ третьемъ этажѣ, размѣромъ не болѣе четырехъ аршинъ длины и ширины, сырой, продуваемый вѣтромъ и крайне ограниченный мебелью. Позавтракавъ въ ресторанѣ, мы взяли „каваса“ (проводника), коляску и карету и поѣхали осматривать достопримѣчательности города. Мостъ чрезъ Золотой Рогъ мы должны были пройти пѣшкомъ, потому что за проѣздъ, въ два конца, взимаютъ по 3 франка (1 р. 20 к.) съ каждаго человѣка. Перейдя мостъ, зашли мы въ мечеть Селима, (снявши предварительно штилеты), въ одно изъ прекрасныхъ и громадныхъ зданій этого рода архитектуры. Посреди мечети, поджавъ ноги, сидѣло человѣкъ сорокъ мусульманъ, среди которыхъ, также сила, громко говорилъ какую-то духовную лекцію одинъ изъ муллъ или монаховъ, служащихъ при этой мечети.

Подѣ влияніемъ путевода-книги и командою „каваса“, постепенно переѣзжали и осматривали мы наиболѣе замѣчательныя сооруженія и мѣстности Константинополя. Перечислю изъ нихъ нѣкоторые:

1) Мечеть новую, гдѣ похоронены султаны: Абдулъ-Меджидъ, его мать и несчастный Абдулъ-Азизъ.

2) Музей древностей.

3) Новую мечеть, только что достроенную и замѣчательную по размѣрамъ и орнаментациі, быть можетъ только потому, что планъ для нея взятъ, какъ копія, съ великаго храма великаго Константина—св. Софіи.

4) Этнографическій музей старинныхъ турецкихъ одеждъ и преимущественно употреблявшихся янычарами. Надобно замѣтить, что этотъ музей во всѣхъ отношеніяхъ и плохо устроенъ, и плохо со-держится.

5) Древнюю цистерну на томъ-же возвышеніи, гдѣ храмъ св. Софіи, со множествомъ колоннъ, означенныхъ цифрою 1001.

И, наконецъ, самое главное и величественное изъ всѣхъ зданій всего міра—это храмъ св. Софіи, построенный 1480 лѣтъ тому назадъ. Великолѣпіе этого храма, его планъ и куполъ такъ громадны и совершенны, что я не знаю, гдѣ можно найти равное въ этомъ родѣ сооруженіе, не смотря на то, что храмъ находится въ запущенномъ состояніи и лишентъ теперь всякихъ внѣшнихъ украшеній. Не-

вѣжественныя руки мусульманъ сокрушаютъ дорогую античную мозаику, раздавая ее за „бакшишъ“ празднымъ путешественникамъ. На хорахъ со всѣхъ трехъ сторонъ храма, между мраморными и порфирными колоннами Ионическаго ордена, устроены мраморныя глухія массивныя перила, на которыхъ высѣчены были барельефомъ большіе четырехконечные кресты, значительно стесанные турками, но явственно видны еще и теперь. Форма ихъ такая:

Въ нишахъ сводовъ, сквозь новую турецкую позолоту, проглядываютъ греческіе лики святыхъ, а въ сводѣ, надъ бывшимъ алтаремъ, сквозить ликъ и вѣнецъ Спасителя міра. Въ концѣ лѣвой стороны хоръ, вблизи алтаря, на парапетѣ мраморныхъ перилъ, сохранилась высѣченная греческая надпись, что тутъ былъ тронъ или мѣсто императрицы Теодоры, гдѣ она находилась во время торжественныхъ богослуженій. Полъ внизу и полъ на хорахъ выстланъ такими громадными мраморными плитами, на которыя, повидимому, не дѣйствуютъ ни перевороты, ни столѣтія.

Когда, стоя внизу, окидываете вы общимъ взглядомъ всю внутренность храма, вы видите цѣлую вереницу колоннъ, кругомъ античную мраморную отдѣлку, массу прекрасно распределеннаго свѣта, желтоватый свѣтъ верхняго яруса, и надъ вѣмъ этимъ господствующій синій куполь, точно плавающий въ воздухѣ—такъ онъ прекрасенъ и пропорціоналенъ—васъ невольно охватываетъ глубокое чувство удивленія, переходящее въ прямое благоговѣніе и къ художнику архитектору, создавшему планъ храма, и къ императору, сумѣвшему оцѣнить его и дать средства къ осуществленію. Глядя на эту подавляющую колоссальность храма (80 метровъ кубическихъ=114 аршинамъ), на чудный куполь, вотъ уже 15 столѣтій возносящійся къ небу, невольно приходишь къ заключенію, что, имѣя подобный образецъ зодчества, позднѣе легче было создать грандіозные храмы, украшать ихъ многими произведеніями искусства, но громадище по замыслу, артистичнѣе по выполненію, неизблѣмѣе по математическимъ вычисленіямъ, устойчивости—нѣтъ въ Европѣ ни одного храма, ему равнаго. Его не сокрушили даже землетрясенія, отъ которыхъ разсыпались въ прахъ всѣ другія каменные постройки.

И теперь этотъ храмъ—чудо, созданный христіанскою идеей, въ него воплощенною, христіанскою націей сооруженный,—находится во власти турокъ, болѣе невѣжественныхъ, чѣмъ даже первые завоеватели Византіи, пощадившіе его отъ разрушенія!

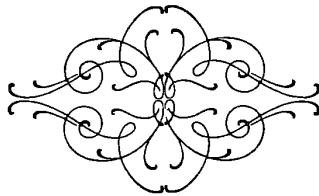
Выходи изъ храма св. Софіи, тотчасъ же попадешь на вторую

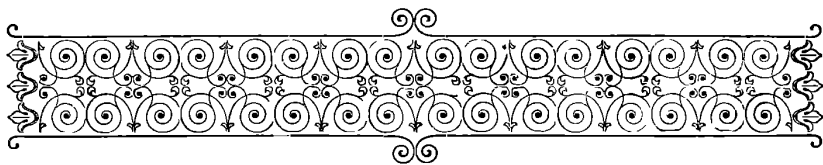
знаменитость Константинополя—площадь, гдѣ въ древности производились военные игры и которая носила громкое названіе ипподрома. На площади и теперь еще стоятъ нѣкоторые, древніе памятники—три разныя колонны. Изъ нихъ первая та, что ближе къ морю, разрушающаяся кирпичная колонна, была сооружена великимъ Константиномъ въ память прекращенія гладиаторскихъ игръ и зрѣлищъ, осуждаемыхъ христіанскою религіей. Вторая колонна, изображающая трехъ перевитыхъ между собою змѣй, подарена была одному изъ греческихъ императоровъ какими-то союзниками за побѣду, одержанную имъ надъ персами. Третья—и самая замѣчательная въ Европѣ—это Египетская игла, поставленная тутъ императоромъ Феодосіемъ. Пьедесталь иглы находится аршина на два въ землѣ кругомъ окружающихъ зданій, бывшихъ во времена погромовъ и порабощенія Византіи. Сыны своей родины, эллины—греки, нѣкогда интеллигентные, образованнѣйшіе люди, превратившіеся въ униженныхъ и порабощенныхъ, потерявъ свою свободу, утративъ образованность и славу, выродились теперь въ презрѣнную толпу восточныхъ людей до такой степени, что даже другіе восточные народы стали браниться между собою именемъ грека. Такъ неумолимая судьба вертитъ свое колесо, возвышая извѣстное племя, наполняя его славою всю вселенную, разнося его искусства и науки по всему свѣту и потомъ роковымъ образомъ повертываетъ колесо вновь и свергаетъ племя въ ничтожество бытія...

Окончивъ осмотръ наиболѣе замѣчательныхъ зданій, мы пошли на Константинопольскій рынокъ. Нужно представить себѣ длинныя, кривыя, узкіе ряды лавокъ, полузакрытыя съ верху отъ дождя и свѣта, толпу нестраго народа въ яркихъ восточныхъ одеждахъ, продавцовъ, сидящихъ съ поджатыми ногами на прилавкахъ и кальяномъ во рту, говоръ, шумъ, крики—и тогда представите себѣ слабое по добіе того, что такое Цареградскій рынокъ. Нужно ли добавить, что на рынокѣ темно, грязно, что мостовая неровная, что васъ толкаютъ со всѣхъ сторонъ. Все это на восточномъ рынокѣ, разумѣется само собою. Продавцы въ лавкахъ просятъ цѣны за товары вдвое дороже, на обмѣнъ денегъ стараются обмануть, обсчитать.

На другой день, какъ нѣсколько знакомые уже съ топографіей мѣстности, пошли мы пѣшкомъ бродить по главнымъ улицамъ города, любуясь на отдѣльныя новыя зданія и открывающіеся виды и ландшафты. Мало-по-малу мы спустились къ Золотому Рогу и наняли лодку, чтобы покататься на водахъ залива и посѣтить любимое столичное гулянье—Сладкія Воды. Вся грязь и неприглядность остались позади насъ, тамъ, въ этихъ узкихъ улицахъ города,—а тутъ синія поверхность пролива, масса покачивающихся пароходовъ, безчисленное количество снующихъ по всѣмъ направленіямъ лодокъ, баркасовъ,

яликовъ и кругомъ всего, какъ волшебную картину, обрамляетъ береговая полоса—рама, украшенная арабесками темныхъ кипарисовъ, свѣтлыхъ игловидныхъ минаретовъ и, какъ мелкій бордюръ, кирпичныхъ домовъ, въ нестройномъ, но гармонирующемъ безпорядкѣ по откосу горъ разбросанныхъ. Немного далѣе, на самомъ берегу пролива, красуется бѣлый мраморный дворецъ—„Долма-Бахче“—ничто, по своей изящности, изъ ряда вонъ выходящее. Особенность и суть его красоты составляетъ полное отсутствіе того казеннаго, установившагося въ Европѣ, типа дворцовъ, которые и хороши въ своемъ родѣ, и однообразны въ то же время. Въ „Долма-Бахче“ соединена въ гармоническомъ сочетаніи и античная красота Запада, и легкая причудливая граціозность Востока. Дворецъ, пожалуй, и строгъ въ своихъ основныхъ формахъ архитектуры, взятыхъ въ цѣломъ, но удивительно разнообразенъ въ деталяхъ, что придаетъ ему такую легкость и изящество. Онъ, какъ лебедь на водѣ, невольно обращаетъ на себя вниманіе и какъ-то тянетъ смотрѣть и любоваться на него. И не смотря на такую красоту, дворецъ необитаемъ: онъ хранитъ за собою дурную память насильственной смерти султана Абдулъ-Азиса, совершенной въ прошломъ десятилѣтіи. Оттого-го онъ и пустъ...

СМЕРНА.

12-го марта.

Въ 5 часовъ вечера сегодня пароходъ „Корниловъ“ снялся съ якоря и, обогнувъ мысъ главнаго стараго Стамбула, плавно пошелъ къ Дарданелламъ, оставляя за собою Константинополь. Долго мы не сходили съ палубы, любясь панорамой, видѣть которую второй разъ въ жизни придется едва-ли. Вотъ удаляется, тускнѣетъ Св. Софія и приближаются античныя зданія казармъ на Азіатскомъ берегу пролива; вотъ Принцесы острова и Сладкія Воды, а впереди длинный проливъ, именуемый Мраморнымъ моремъ и Дарданеллами.

Звонокъ. Время обѣда. Наступаетъ вечерняя мгла; спускается туманъ.

13-го марта.

Рано утромъ пароходъ остановится при выходѣ изъ Дарданеллъ, подъ пушками Турецкой крѣпости, чтобы предъявить коменданту бумаги и получить пропускъ. Часа черезъ два мы уже идемъ въ началъ Средиземнаго моря, въ виду береговъ и холмовъ священной Трои, увѣковѣченной Гомеромъ и извѣстной каждому школьнику стараго и новаго свѣта. По правую сторону парохода, круто спускаясь въ море, выглядитъ пирамидою островъ Тенедосъ, на которомъ когда-то:

„Три богини спорить стали“...

А потомъ и потянулись вплоть до Смирны берега и острова греческаго архипелага, окутанные прозрачною эфирною дымкою, если проглянетъ солнце, и одѣтые туманомъ, если небо покроется тучами.

Воздухъ теплый, южный, ласкающій. Но когда подуетъ вѣтеръ и всколыхнетъ проливъ, тогда становится такъ-же холодно, какъ у насъ въ осеннее время. Случается перепадаетъ дождь, но грозы ни разу не было.

14-го марта.

Въ полночь сегодня пароходъ „Корниловъ“ стоялъ на якорѣ на Смирнскомъ рейдѣ. Въ 8 ч. утра мы поѣхали въ городъ осматривать его и покупать на память бездѣлушки. Улицы Смирны и узки, и грязны ни чуть не меньше, чѣмъ въ Константинополь. Рынокъ восточный, всемірный. Нашли въ лавкахъ, по рекомендаціи Мордовцева, свѣчи Гомера и по своему усмотрѣнію мастаки, мундштуки; Поляковъ купилъ кадильницу, а я попробовалъ въ заключеніе каль-лявъ и сдобныя, слащавыя, круглыя лепешки—наши сибирскіе пряжаники, тутъ-же на рынкѣ приготовленные, и далъ себѣ слово ни самому больше не пробовать, ни другимъ не рекомендовать ни каль-ляна, ни лепешекъ. Дождь поливалъ изрядно, и мы, какъ мокрыя курицы, вернулись на пароходъ обсушиваться и приготовляться къ завтраку. Окрестности города, насколько видно невооруженнымъ глазомъ, живописны и прекрасны. Рейдъ Смирны большой, хорошо защищенъ съ трехъ сторонъ горами и вполне отвѣчаетъ своему міровому назначенію торговаго пункта.

Около полудня „Корниловъ“ снялся съ якоря и пошелъ прямо къ выходу, между длиннаго ряда острововъ, къ открытому Средиземному морю. Съ лѣвой стороны фіорда, недалеко отъ Смирны, чередуются высокія (3000 ф.) причудливыя горы, которымъ приданы названія: „Три сестры“, „Два брата“ и т. д. Съ правой стороны отъ Смирны, далеко уходя заливомъ, протянулась широкая, бѣлая береговая полоса, точно пролитое молоко,—рѣчная прѣсная вода. обильно привлекающая къ заливъ послѣ каждого хорошаго дождя. За этой рѣзко отдѣленной бѣлой полосой виднѣются въ симметрическихъ группахъ, какъ свѣгъ, бѣлые курганы, сложенные изъ осадочной соли. Погода прояснилась; стало тепло и вода въ Средиземномъ морѣ—чистая, прозрачная, необыкновеннаго лясисъ—лазуреваго цвѣта, невольно и по долгу привлекала къ себѣ наше вниманіе. Легкая, боковая зыбь моря едва покачивала нашего „Корнилова“. Необычайно красивыя очертанія горъ и острововъ, одѣтыхъ то во всѣ оттѣнки зеленого цвѣта растительности, то покрытыхъ синеватою, прозрачною дымкой, со всѣми переходами воздушнаго колората, то закутанныхъ въ сѣрныя и темныя облака, вѣнчающія острыя верхушки горъ или тихо ползущія по склонамъ и ущельямъ,—вотъ та картина, которая долга ласкала нашъ взоръ въ греческомъ архипелагѣ. Мысль и воображеніе работали усиленно, уносилъ въ даль, на эти острова, на верхушки пикъ,

бродя по синему морю, вспоминая прошлую исторію народовъ, ихъ быта, вѣрованій, погружаясь въ глубь отдаленныхъ вѣковъ и вызывая оттуда цѣлый сонмъ боговъ и богинь, созданныхъ народнымъ греческимъ геніемъ. И нигдѣ, мнѣ кажется, нельзя яснѣе представлять, глубже чувствовать и переживать исторію древняго, великаго народа, какъ только проходя тѣ мѣста и виды, среди которыхъ онъ жилъ, воспитывался и, создавая, воплощалъ въ произведеніяхъ искусствъ не умирающіе образы разныхъ божествъ, этихъ вещественныхъ символическихъ выраженій, составляющихъ присущую потребность каждому человѣку создать *что-то* выше себя, потому что есть *это* высшее. И каждый родъ, племя, народъ, нація создаютъ эти вещественные символы каждый по своему, но всѣ стремятся къ сознательному или безсознательному, но *Единому*.

Вечеръ. Обѣдъ оконченъ. Мы вышли и уютно уѣлись на кормѣ парохода. Какъ тутъ хорошо было смотрѣть на переливающуюся зыбь моря, на бурлящую полосу бирюзового оттѣнка, оставляемую слѣдомъ могучаго винта парохода, на чайку, рѣющую въ воздухъ и на небо, съ котораго свѣтила луна и отражала свой бѣлый свѣтъ съ золотымъ оттѣнкомъ на верхушкахъ мелкихъ волнъ Средиземнаго моря. Тихо и съ наслажденіемъ курилась манильская сигара, выпивался чай, мечталось, говорилось тѣми полусловами, восклицаніями и взглядами, которые и составляютъ всю цѣну такихъ моментовъ. Прошло времени часа два; воздухъ сталъ сырѣе; началъ накрапывать дождикъ и мы съ товарищемъ должны были покинуть это уютное мѣстечко.

15 марта.

Сегодня море и воды острововъ, почти такія-же, какъ и вчера, съ тою разницей, что цвѣтъ воды сталъ еще прозрачнѣе и великолѣпнѣе, да острова пошли только съ одной правой стороны парохода. Налѣво видно открытое Средиземное море, въ дали котораго неяснымъ силуэтомъ вырисовывается островъ Родосъ въ видѣ громаднаго купола. Отсюда уже начинается открытое Средиземное море, по которому потянется нашъ путь прямою линіей до Александріи, на протяженіи 310 миль, или 500 верстъ, или 31 часа времени. Спустя часа два, показалась на морѣ мертвая зыбь, вызвавшая у нѣкоторыхъ пассажировъ морскую болѣзнь. За обѣденнымъ столомъ эта-же болѣзнь произвела между обѣдающими комическое бѣгство въ свои каюты. Рядомъ со мною сидитъ пассажиръ, кушая первое блюдо и нахмуренно глядя свою лысую голову, сердито проповѣдуетъ, что не нужно думать о болѣзни и на полъ-словъ бросаетъ ложку и бѣжитъ поспѣшно въ свою комнату. Напротивъ меня чинно обѣдаетъ нѣмецкая чета супруговъ, но за вторымъ блюдомъ у супруги блѣд-

нѣтъ лицо, она поспѣшно бросаетъ на столъ салфетку и уходитъ. Нѣмецъ, супругъ храбро заткнулъ за воротъ сорочки салфетку и только что взялъ что-то на вилку, какъ моментально бросаетъ ее на столъ и съ салфеткой за галстукомъ перепрыгиваетъ черезъ барьеръ скамейки и опрометью бѣжитъ въ свою каюту, путается въ драпировкахъ, стучитъ головою въ дверь и скрывается въ каютѣ, производя дорогою извѣстные жесты и движенія. Къ концу обѣда за столомъ остается только 4 человѣка.

Вечеромъ взошла полная, ясная луна и свѣтитъ такъ привѣтливо милліонами золотыхъ переливовъ на мелкой ряби морской поверхности. Рѣдкія, прозрачныя облака плывутъ по воздуху и лунное освѣщеніе придаетъ имъ чарующую, подвижную фантасмагорію. Глядя на все окружающее, невольно думалось: вотъ это то небо и звѣзды, которыя видѣли народъ Израиля, его пророка Моисея, Христа Спасителя; это то море, которое носило на своихъ волнахъ историческіе народы. Это небо, звѣзды и море также были велики и необъятны, какими кажутся мнѣ теперь. Звѣзды привѣтливо горѣли на небѣ, море неумолкаемо шумѣло на землѣ и въ своемъ неизмѣнномъ величій посылали людямъ миръ и успокоеніе. Были-ли люди такими въ прошломъ—на это отвѣчаетъ намъ исторія многими отрицательными явленіями и только внутренній голосъ твердитъ человѣку, кто долженъ быть:

„Миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

